Текст · 18 марта 2025, 09:36
Сергей Голубев,

«Убедить суд, что язык ненависти равносилен пыткам». Как правозащитники добиваются ордера на арест Медведева и Симоньян

В июне 2024 года представители трех[1] правозащитных организаций из России и Украины вместе с Международной федерацией по правам человека *(-FIDH)*, проанализировав записи публичных выступлений пяти российских пропагандистов, обратились в Международный уголовный суд с требованием выдать ордер на их арест. Использование языка ненависти может быть расценено Международным уголовным судом как преступление против человечности. «Медиазона» изучила 105-страничное обращение правозащитников и поговорила с одним из его авторов, руководителем отдела Восточной Европы и Центральной Азии *FIDH* Ильей Нузовым.

1. Украинские Харьковская правозащитная группа и Центр гражданских свобод, а также российская НКО, которая присоединилась к ним на условиях анонимности.

— В своем обращении вы анализируете примеры высказываний пяти российских пропагандистов.

— Да. Это экс-президент, зампред Совета безопасности Дмитрий Медведев, гендиректор медиагруппы «Россия сегодня», главный редактор РИА «Новости» Дмитрий Киселев, глава телеканала *Russia Today* Маргарита Симоньян, ведущий «России-1» Владимир Соловьев и бывший ведущий радио «Комсомольская правда» Сергей Мардан.

— Почему вы выбрали именно их? Почему не, условно, Скабеева[1]?

— Конечно, российских пропагандистов очень много. И это только репрезентативный список тех лиц, которые, на наш взгляд, совершают преступление. Мы остановились на них, исходя из нескольких критериев. Во-первых, это руководящие роли этих лиц в медиасфере, их узнаваемость, охват — буквально, сколько у них фолловеров в твиттере, сколько им предоставляют времени в эфире на главных каналах. Все это указывало на то, что эти люди — одни из самых влиятельных в российской пропаганде. Ну и, конечно, мы учитывали тяжесть самих высказываний: мы сочли, что именно они высказывались наиболее уничижительно и оскорбительно по отношению к украинцам, а также призывали к насилию.

По мнению авторов доклада, каждый из пропагандистов распространяет в своей речи несколько базовых нарративов, которые дискриминируют украинцев как народ и способствуют разжиганию ненависти к ним.

Так, **Владимир Соловьев** часто говорит с экрана телевизора в «насыщенных выражениях» о том, что «русские и украинцы — это один народ», однако последним «промывают мозги». В то же время Соловьев выступает за то, чтобы русские и украинцы продолжали «убивать друг друга» «столько, сколько надо, [чтобы] вас [украинцев] кончить».

Излюбленные приемы **Маргариты Симоньян** — это обвинения украинцев в зверствах на Донбассе, а также утверждение, что российские войска борются с «киевскими нацистами» и их сторонниками, но не украинцами (которые на самом деле являются русскими). Высказывания пропагандистки часто содержат отсылки к религиозным и мифическим образам, при этом обстрелы городов Украины она называет «ударами возмездия», призывая «уничтожить», «повыбивать [нацистскую дурь]», «искоренить», «покончить» или, по крайней мере, «отправить за решетку» украинцев, которые борются за независимость своей страны.

Пропагандист **Дмитрий Киселев** в своих эфирах повторяет нарративы коллег про «единый народ» и «нацизм», добавляя к ним утверждения о том, что «все украинцы ненавидят русских», а сама Украина — «несостоявшееся государство» и «провальный эксперимент» Запада.

Зампредседателя Совета безопасности **Дмитрий Медведев**, отмечают авторы обращения, регулярно призывает к насилию по отношению к гражданам Украины. Само государство он называет «раковым новообразованием под именем Украина», «страной 404», «искусственной конструкцией с псевдоисторией» и «одним большим фейком». Он

также называет Украину «Землей Санникова» — несуществующим островом-призраком в Северном Ледовитом океане, названным в честь купца Якова Санникова, который утверждал, что видел остров во время своей экспедиции.

Сергей Мардан — экс-ведущий пропагандистского радио «Комсомольская правда». В число субъектов, высказывания которых анализирует **FIDH**, он попал благодаря своим публичным призывам «уничтожить Украину под ноль», используя «настоящий террор», и «сжигать живыми» ее граждан. Мардан часто использует отвратительные физиологические сравнения: «токсичный гомункул», «больной член, который надо отсечь», «гангрена», «распавшаяся ткань государства» и так далее.

— Почему тогда нет наиболее одиозного российского пропагандиста — Красовского[2]?

— Мы исключили Антона Красовского потому, что его высказывания, как нам представляется, можно квалифицировать как призывы к геноциду. Мы же рассматриваем язык ненависти.

Кроме того, есть «принцип комплиментарности» МУС: этот суд только тогда вступает в дело, когда на национальном уровне игнорируется возможность расследовать некое преступление. А поскольку в Украине его высказывания уже расследуются[3], мы сочли, что, возможно, у Международного уголовного суда будет меньше желания дополнительно расследовать его действия.

> В октябре 2022 года Антон Красовский брал интервью у писателя Сергея Лукьяненко, который рассказал, как в детстве ездил в Украину. Писатель утверждал, что тогда дети, жившие в Ужгородской области, рассуждали об оккупации страны «москалями». На это Красовский ответил: «А прям топить таких надо было. <ÿ..ÿ Там каждая изба называется "смерекова хата"[4], и вот прям в эту смерекову хату забивать и жечь».

— Как именно и кем отбирались примеры высказываний российских пропагандистов, которые *FIDH* приводит в своем заявлении?

— *FIDH* сотрудничает с Украинским цифровым архивом, это платформа по сбору доказательств международных преступлений, совершенных в Украине с 2022 года. Мы провели целевой поиск по хранящимся там записям теле- и радиопередач российских телеканалов с использованием ключевых слов по автоматически расшифрованному тексту, а также по постам в соцсетях *X* и *Telegram*-. Наш русскоязычный консультант провел дополнительный анализ вручную, просмотрев эти телепередачи. Кроме того, группа по проверке цифрового контента при Эссекском университете выделила четырех студентов для помощи *FIDH* в проведении исследования: они внимательно отслеживали выпуски и посты [пропагандистов] в годовщины важных событий, связанных с войной. В общей сложности мы проанализировали более двух тысяч видеороликов и отобрали около трехсот высказываний. Работа длилась десять месяцев.

— Как вообще происходит доказывание вины пропагандиста в подобного рода делах? По каким критериям доказывают, что то или иное высказывание — это *hate speech*?

— В международном праве нет четкого стандарта, что такое *hate speech*. И так как в международном праве отсутствует общепринятое понятие языка ненависти, *FIDH* трактует его через использование шести критериев, а затем мы используем высказывания, которые попадают как минимум под три из шести этих критериев.

Критерии следующие: интенсивность высказывания; прямые или скрытые призывы к применению насилия; унижение достоинства и дегуманизация, или расчеловечивание; выбор заведомо ложных, искаженных нарративов, а также особых формулировок, ярких образов, эвфемизмов, наглядных метафор и уничижительных неологизмов.

— Да, но каков юридический механизм, позволяющий доказать, что слова, сказанные по телевизору или радио, действительно побуждали убивать?

— Дело в том, что в доказывании причинно-следственной связи между высказываниями и действиями [российских военных] на поле боя нет необходимости. То есть мы не должны доказывать, что призывы к агрессии по отношению к украинцам привели к результатам, которые мы видели в Буче, в фильтрационных лагерях и так далее. Сами заявления являются достаточными, чтобы

заполнить элементы состава преступления. Но [в заявлении] мы все равно демонстрируем контекст.

Описываем, что многие пострадавшие в Украине рассказывают, например, что российские солдаты ходили по деревням в поисках «нацистов». Или пытали кого-то, говоря ему: «Это тебе за то, что ты нацист».

Контекст других преступлений потому и важен — чтобы показать, насколько эффективен этот язык. Ведь все это началось не в 2022 году: эта риторика позволила довольно-таки безболезненно осуществить аннексию Крыма и создать почву в российском обществе для так называемой «денацификации».

Как убедить российского солдата в необходимости «очищать» оккупированные территории от нежелательных элементов? Мы видим внесудебные казни, пытки, другие формы негуманного обращения с людьми, депортацию детей… Как убедить солдата, что ему нужно это делать? Надо создать идеологический, риторический фон для этого и оправдать в их сознании необходимость для осуществления этих и других преступлений.

И у нас нет сомнений в том, что те, кто делал эти заявления, знали о намеренных атаках России против гражданского населения и говорили все это целенаправленно с намерением дискриминировать определенную группу — украинцев, которые отстаивают независимую Украину и не хотят сотрудничать с оккупационными властями. Мы и посвятили столько описанию контекста, потому что

под термином «нацисты» подразумевают всех тех украинцев, которые не хотят быть частью «русского мира».

— Вы ссылаетесь в своем обращении на какие-то прецеденты?

— Да, на три прецедента, относительно которых вынесены авторитетные постановления — они отсылают к Нюрнбергским процессам, судебным решениям, касающимся Руанды, «Радио тысячи холмов»[5], и трибунала по Югославии. Все они подразумевают, что сам по себе язык ненависти является преступлением вне зависимости даже от контекста.

— На какую реакцию со стороны МУС вы рассчитываете?

— Мы отправили это обращение в начале июня, после чего получили подтверждение от суда о том, что оно будет рассмотрено. 15-я статья [Римского статута-] позволяет неправительственным организациям, частным лицам и всем желающим обратить внимание суда на какие-то категории преступлений, чтобы побудить прокуратуру рассмотреть их. В своем обращении мы расписываем и фактические, и юридические аргументы, проводим подробный анализ высказываний фигурантов. Также к заявлению мы приложили так называемые методички из администрации президента и интервью с двумя инсайдерами — в прошлом журналистами Первого канала. И, кстати, отдельно *FIDH* требует привлечь к ответственности первого

замглавы администрации президента Алексея Громова — как руководителя, который «либо отдал приказ о совершении [преступлений против человечности], либо не предотвратил их».

В своем обращении **FIDH** приводит содержание пяти методичек администрации президента, оказавшихся в распоряжении правозащитников. Четыре из пяти документов называются «Главные акценты и события дня», пятый посвящен празднованию Дня крещения Руси — 28 июля. Почти во всех методичках есть разделы под названием «СВО», которые «почти полностью лишены фактов», но зато изобилуют обвинениями: украинские власти и ВСУ там называют «киевскими нацистами», действующими «под командованием Вашингтона», а сопротивление российской агрессии — «террористическими актами». В методичке, выпущенной ко Дню крещения Руси и озаглавленной «Крещение Руси — СВО. Исторические параллели», авторы пытаются обосновать проведение «СВО» с точки зрения православной веры. В разделе «Борьба с безбожниками» проводятся параллели между обращением язычников в христианство и борьбой против украинских «неонацистов».

— Но прокуратура обязана отчитаться о том, что обращение принято к рассмотрению?

— Нет, она не должна отчитываться об этом, но, как правило, ответ приходит, когда обращение

составляет организация с хорошей репутацией, чьим данным можно доверять.

Мы с вами знаем, что в марте 2023 года МУС выдал ордера на арест Владимира Путина и уполномоченной по правам ребенка в России Марии Львовой-Беловой; в том же месяце был выдан ордер на арест командующего дальней авиацией России генерал-лейтенанта Сергея Кобылаша и бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Виктора Соколова. В июле 2024 года МУС выдал ордера на арест экс-министра обороны Сергея Шойгу и начальника Генштаба Валерия Герасимова. В то же время у нас пока нет оснований предполагать, что словесные преступления рассматриваются офисом прокурора. Поэтому мы хотели выделить этот тип преступлений, чтобы прокурор углубил расследование и запросил у нижней палаты ордера на арест [пропагандистов].

— Даже если суд выдаст ордер, это, скорее всего, не означает, что пропагандисты фактически досягаемы для правозащитников и будут арестованы на практике.

— Думаю, прагматический эффект был бы уже даже от самой выдачи ордера на арест. И для этих людей возникает реальная опасность того, что их действительно арестуют и передадут суду. Их имя будет в Интерполе и так далее. То есть это все очень серьезно.
Кроме того, вокруг такого человека создается стигма как вокруг предполагаемого исполнителя международного преступления. Человек часто становится нерукопожатным — люди, которые с ним

общаются, могут лишний раз задуматься, стоит ли вообще это делать.

Возможно, и сами фигуранты после выдачи ордера на арест могут задуматься и сказать себе: «Может быть, лучше самоцензурироваться и не разжигать ненависть так, как это делаем мы?».

Во-первых, ордер ограничивает способность и желание передвигаться у этих людей. Страны — члены Римского статута обязаны арестовать и выдать фигурантов дел в Гааге. Конечно, не все это сделают...

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

— Монголия не арестовала Путина по ордеру МУС во время его визита в страну в сентябре прошлого года.

— Действительно, мы видели пример Монголии, которая отказалась выполнить свои обязательства. Но есть и страны, которые сделают это. И даже не выскажут своего намерения арестовать этих людей, пока те не окажутся на их территории. На примере Путина мы знаем, что он отказался, например, участвовать в саммите БРИКС в Южной Африке в августе 2023 года — вероятно, из-за того, что эта страна является членом Римского статута и могла его арестовать.

— Да, тогда это сработало.

— Мы также надеемся на превентивный эффект по отношению к другим ситуациям. Возможно, [потенциальные] исполнители международных преступлений в будущем задумаются о том, что преступники — это не только те, кто нажимают на курок, пытают, депортируют детей, но и те, кто подстрекают и разжигают ненависть по отношению к жертвам. И да, символическая и практическая цель в данном случае — расширить прецедентное право. Расширить толкование норм и само понятие «преследование» на международном уровне.

Главным вызовом для нас я считаю [необходимость] доказать, что язык ненависти по тяжести является таким же, как и другие преступления против человечности. Мы должны убедить суд, что *hate speech* равносилен пыткам, или депортации людей, или незаконному лишению свободы. А это не совсем очевидно. И нам необходимо убедить [МУС] в том, насколько одиозным является язык ненависти и почему он ключевой момент в исполнении международных преступлений.

— Что вы будете считать удачным результатом?

— Конечно, самым удачным исходом был бы арест и осуждение пропагандистов. Но в ближайшей перспективе успех для нас — это сам запуск расследования и запрос прокурора на выдачу ордеров на арест. Даже если эти ордера в итоге не будут выданы.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Ольга Скабеева — ведущая телеканала «Россия-1».

2. Экс-директор русскоязычного вещания Russia Today.

3. В феврале 2023 года украинский суд заочно приговорил Красовского к пяти годам лишения свободы за призывы топить украинских детей.

4. Сруб, деревянный дом. От названия произрастающего в Карпатах хвойного дерева — смерека.

5. Руандийская радиостанция, сыгравшая ключевую роль в геноциде тутси в 1994 году. Ведущие в эфире называли представителей этой народности «тараканами» и призывали их «истреблять». Бывший владелец радиостанции Фелисьен Кабуга был задержан французской полицией в 2020 году и предстал перед международным трибуналом, но избежал приговора из-за деменции.